

Лев Амбиндер
руководитель
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

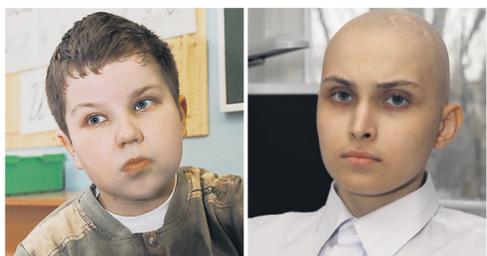
Немецкий изотоп для Паши Муклецова

Семилетний москвич Паша Муклецов вот уже десять дней в Германии. Десять дней назад денег на Пашину операцию еще не хватало, но ваших откликов было так много, что наш фонд поручился — и вот операция уже позади. У Паши опухоль в мозгу, избавиться можно только с помощью сверхточной лучевой терапии. У нас такой нет, есть в Германии, стоит €48,5 тыс. 27 октября мы рассказали в „Ъ“ о Пашинной беде, и все получили просто здорово: плата внесена полностью. Более того, образовались «излишки», и если нет возражений, то они достаются 15-летнему Алеше Вякину из Самарской области.

Пашу Муклецова успешно прооперировали 21 ноября. В опухоль ввели радиоактивный изотоп йода-125. Период полураспада у него короткий. Изотоп успевает разрушить опухоль, он не вреден для окружающей ткани. Ввести абсолютно точно иглу с изотопом нейрохирург помогает аппаратура стереотаксической лучевой терапии, рассказал мне заведующий детским отделением Российского научного центра рентгенорадиологии профессор Олег Шербенко.

Такая аппаратура в Москве есть. Сообщаю об этом не только для авторов гневно-патриотических писем в фонд на тему: «Незачем гонять ребенка за границу и тратить сумасшедшие деньги, нейрохирурги НИИ имени Бурденко справились бы сами». К счастью, таких откликов немного, операция позади, 23 ноября Пашу с мамой перевели в курортную клинику под Мюнхен. 12 декабря ему сделают повторную томографию, и если все в порядке, отправят домой.

Однако проблема спасения больных вроде Паши остается. У Алеси Вякина, которому достанутся €25 тыс. «излишков», тоже опухоль мозга. И выбора нет — и ему надо в Мюнхен. Профессор Шербенко говорит, что в его центре можно получать и хранить изотопы йода-125, но нет нейрохирургов и аппаратуры стереотаксической лучевой терапии. А в НИИ имени Бурденко есть нейрохирурги и аппаратура, но там не получают изотопов йода-125. Я спросил профессора, нельзя ли двум учреждениям договориться? «Технически невозможно», — ответил профессор, — будь аппаратура у нас, все было бы проще». Но аппаратуры нет, ее даже не заказывают.

Паши Муклецову, Алеше Вякину и другим таким же больным пока способны помочь только немецкие изотопы йода-125

И вот еще последние новости.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца томичам Риге Бураковой (10 месяцев, 186 600 руб.), Ирине Травковой (1 год, 151 196 руб.), операции по поводу сколиоза Кате Шабельниковой (16 лет, 173 060 руб., Челябинская обл.), томичам Диане Двоеглазовой (15 лет, 185 384 руб.) и Максиму Буркальду (8 лет, 185 964 руб.), Кате Столаровой (16 лет, 68 590 руб., Кировская обл.) и Евгении Устиновой (20 лет, 185 384 руб., Казахстан); лечение детского церебрального паралича Ане Рыбниковой (7 лет, 156 тыс. руб., Свердловская обл.), Наташе Барановой (12 лет, 150 400 руб., Липецкая обл.), Владу Давиденко (3 года, 126 800 руб., Кемеровская обл.), Владимиру Полежаеву (2 года, 143 100 руб., Челябинская обл.); челюстно-лицевая операция Даше Трухачевой (3 месяца, 65 тыс. руб., Липецкая обл.).

Отправлено: €5 тыс. в Германию на спецсчет «Русский резерв Морша», 463 тыс. руб. на химиотерапию Егору Старостину (3 года, злокачественная опухоль печени, Ставропольский край); 128 250 руб. на реабилитационное лечение Паше Савельеву (18 лет, перелом шейных позвонков, Москва); 38 тыс. руб. на инвалидную коляску Елене Дуспановой (31 год, инвалид 1-й группы, Саратовская обл.). Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (США), Ирина Борисовна (Австрия), Юрий Иванович (Одесса, Украина), Виктория от руководителя, Кирилл Викторович, Ирина, Алексей и Анна, Кирилл, Андрей, Вадим Вадимович, Сергей, Аля, Станислав, Андрей Анатольевич и Людмила Анатольевна, фирма БЭСКИТ (все — Санкт-Петербург), Айрат (Казань), Евгения (Уфа), Григорий (Котлямы, Тюменская обл.), Миша (Волгоград), Равиль (Тольятти, Самарская обл.), Владимир и Вера (Калуга), Роман (Воронеж), ОСАО «Ингосстрах», благотворительный фонд «Джойнт», ЗАО «АКБ „Русь-банк“», ООО «Белмонт групп», ЗАО «ПТГ „Кунцево“», компания «Телебаст», Александр Валерьевич, Олег Павлович, Василиса, Марина Геннадьевна, Дмитрий Вениаминович, Валерий Геннадьевич, Юлия Юрьевна, Константин, Юлия и Сергей, три Александра, два Олега, два Алексея, Алла, Марина, Максим, пять Сергеев, Павел, Владислав, Гульнара, три Марии, Андрей, четыре Дмитрия, Зинаида Нефедовна, четыре Ольги, Вера, Акхал, Екатерина, Алена, Владимир, две Юлии, три Анастасии, Борис, Михаил, Влада, Юлия и Алексей, Юрий, две Ирины, Геннадий Геннадьевич, Георгий, Яна, четыре Натальи, Светлана, четыре Татьяны, семья Мироновых, две Елены, Валерий Викторович, Петр, Евгений, Армен Размикович, Ренат, Владислав Анатольевич, семья Александрович, Роман, Денис, Анна, Виталий, Андрей Валерьевич, Игорь (все — Москва). Спасибо!

Улыбка против смерти

Ангелина Туйчиева — совсем крохотная четырехлетняя девочка из Саратова. У нее порок сердца и столько сопутствующих болезней, что ее мама говорит, будто Лина до сих пор жива, потому что у нее сильный характер. Только сейчас дела поворачиваются так, что одного характера Лине не хватит. Ей нужна ваша помощь.

Эта девочка в четыре года весит всего двенадцать килограммов. У нее только очки большие и улыбка широкая. Про улыбку выяснилось, правда, не сразу. Я вошел в квартиру и сказал: «Привет, Лина». Больше ничего сказать не успел — Лину как ветром сдуло. Она спряталась за межкомнатной дверью и крепко-крепко вцепилась там в ручку. «Она думает, что вы ей укол делать пришли. А она боится. Хотя, кажется, все уже пережила», — с горечью объясняет мама Тая.

Лина выжидала за дверью, а Татьяна рассказывает. Врожденный и очень сложный порок сердца у Лины обнаружился на второй день жизни. Такой порок называется тетрадой Фалло. Плюс органическое поражение центральной нервной системы. Плюс тетрапарез. В два месяца у Лины начались сердечные приступы. Знаете, как это? Сначала сбивается и становится прерывистым дыхание. Потом у Лины синели губы и кончики пальцев. А через две минуты она вся была сиреневого цвета. Она кричала так истошно, что у родителей волосы вставали дыбом, и это не метафора. Это так было.

В пять месяцев Лина пережила первую операцию, в московском кардиоцентре имени Бакулева. Неудачно. В области сердца начала скапливаться жидкость. Реанимация. Клиническая смерть. Она выжила. Через четыре месяца — повторная операция. Успешная, приступы прекратились. В августе 2003 года вновь операция — коренная коррекция порока. Но опять получилось не выздоровление, а отсрочка. В сентябре этого года Лине пыгались сделать еще одну операцию, но не рискнули.

«Она у меня упрямая. Только потому все это и перенесла. Была бы бесхарактерная, не выжила», — убеждена Тая.

Врачи в Бакулеве сказали, что ждут Лину через год на повторное обследование. Мама Тая боится ждать год — состояние девочки ухудшается каждый день. Тая больше всего боится новых приступов, таких же страшных, как в младенчестве.

Лина тем временем поверила, что я не буду делать укол, и выбралась из-за двери. Сидит по-турецки на обивке, раскачивается и крепко ковыряет плетеного тигра. Говорит девочка совсем мало и неуверенно. Изредка она ходит в детский сад, в группу с заковыристой аббревиатурой ЗПР. Для детей с задержкой

Наши врачи сказали, что ждут Лину через год. Мама девочки, Тая, боится ждать год: состояние Лины ухудшается каждый день

ФОТО ИГОРЬ НИКОЛА

психоречевого развития то есть. Все остальное время Лина болеет: к букету диагнозов добавилась хроническая пневмония. Мама Тая сидит с ней круглые сутки. Семья живет на зарплату отца. Он миллионер.

В сентябре врачи рассказали Татьяне о Российском фонде помощи. На сайте фонда она увидела историю ровесницы Лины, волгоградской девочки Дашки Клоковой. Мы писали о ней в марте этого года. У Дашки был схожий диагноз, и врачи не давали гарантий, что она переживет лето. Читатели „Ъ“ помогли тогда собрать средства на операцию в Германии. И Даша не просто это лето пережила: маленькая бледная девочка с сиреневыми губами превратилась в здорового розовощекого ребенка. Татьяна немедленно связалась с немецкими врачами готовы

дать шанс и Лине. Но шанс стоит больше €70 тыс., деньги для Татьяны совершенно бесценные. Вот она и обратилась к нам в Российский фонд помощи.

А девочке надоело слушать наш с Татьяной разговор, и мы пошли посмотреть ее любимые игрушки. По дороге в комнату я как-то невольно попыталась взять ее за руку. «Я сама!» — она сказала это твердо и пошла вперед. Похоже — действительно с характером. Мама рассказывала, что иной раз, если чего захочет, может и ножкой топнуть, и ручкой по столу. Несильно, но звонко так. Своего добивается всегда.

Любимый игрушек было два: ящичка ровно. Лина уселась поудобнее, и, пока искала самую любимую, остальные так и летели во все стороны. Наконец, она нашлась — птица с длинным клювом и удивительным лило-

вым оперением. «Лина, это кто?» — спрашиваю. «Тягил», — говорит. «Кто-кто?» «Ну, тягил же!» — девочка смотрит на меня как на глупого и для наглядности стучит клювом от «тягила» по полу. Это дятел, дятел.

Во мне Лина разочаровалась и игрушек больше не показывала. Перед уходом только смилостивилась, улыбнулась и за руку подержала. Вся надежда у Лины underlyingly девочки теперь на вас — ну и на свой сильный характер.

Андрей Козенко

ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ АНГЕЛИНЫ НЕ ХВАТАЕТ 1279 ТЫС. РУБ.

Лину Туйчиеву, так зовут девочку родители, несчастья преследуют с самого рождения. Она уже перенесла несколько серьезных операций дома и в Москве, было неудачное хирургическое вмешательство, были и улучшения, но сейчас врачи в Саратове ничего не гарантируют без новой операции. В частности, лечащий врач-кардиолог Лины Наталья Петрова уверена, что «без операции Ангелина может погибнуть». Состояние девочки стабильно плохое, при этом анализы говорят о «процессе ухудшения». Это заметно и внешне, подчеркивает госпожа Петрова. У Лины постоянный землительный цвет лица, при малейшем волнении и нагрузках мгновенно появляется тяжелая одышка. Положение девочки осложнено еще хронической пневмонией и пилонепфритом.

В Москве тем не менее Туйчиевым порекомендовали к ним обратиться только через год. Вот тогда-то и выплыла Германия. Татьяна, мама Ангелины, прочитав на сайте Российского фонда помощи историю счастливой излечения Дашки Клоковой от тяжелой формы пороков сердца, написала нам и в университетскую клинику города Аахен. Именно там спасли Дашу (см. „Ъ“ от 31 марта).

Немецкая сторона выставила Туйчиевым такой же счет, что и Клоковым. Медицинские услуги, дорога, переводчик, визы и проживание — €75 830 или 2,592 млн руб.

Мы очень рассчитываем, что Лине повезет, как и Даше. Просто Туйчиевым больше не на кого и не на что надеяться. Мама Лины раньше работала киоскером

«Роспечати», папа — миллионер. Как всегда, внесут свою лепту наши постоянные партнеры: инвестиционная группа «Капиталь» — \$21 тыс. и компания «Ингосстрах» — \$11,5 тыс. (в сумме это €25 390). Еще €13 тыс. добавят наш постоянный читатель, предлагающий действовать анонимно. Таким образом, не хватает еще €37 440 или 1,279 млн руб.

Это серьезные деньги, поэтому, дорогие друзья, дорог буквально каждый рубль. Мы открыли в Москве рублеву сберкнижку маме Лины Татьяне Туйчиевой. Желаем вам отправить помощь в евро (не менее €1 тыс. — такая просьба немецкой стороны) мы готовы предоставить реквизиты клиники.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Максим Максимов, 21 год, удалены почки, ждет донорскую, живя в бараке, нужна квартира. 170 тыс. руб.

Пломерулонефритом Максим заболел в 9 лет. Лечение не помогло, а в 12 лет у сына был инсульт. Его выгнали из стого света, а потом учили заново ходить и говорить. Два года Максим провел в Москве, в детской больнице на диализе. И тут ваши читатели оплатили препараты для трансплантации донорской почки. Низкий вам поклон! Сына внесли в лист ожидания на пересадку. В 2003 году ему удалили обе почки, но подходящей донорской не было. А потом из-за известного судебного процесса пересадки приостановили. Нам все обещают, говорят, вот-вот начнется, держитесь. Диализ провозжу дома, четыре раза в день по часу. Нужна стерильность, а мы живем в сыром аварийном бараке 1942 года постройки с печкой. Горячей воды нет, а Максима надо часто мыть, чтобы инфекция не попала в катетер. Потолок течет, штукатурка сыплется, боюсь, крыша провалится. У нас в поселке одна пятиэтажка, и там срочно продается двухкомнатная квартира. Нам бы ее! Но живем на две пенсии (я тоже инвалид). Так что я опять к вам за помощью. Простите, больше не к кому, родню уже похоронила. Наталья Максимова, Тульская область. Глава администрации поселка Николай Дитятко: «Максимова в списке очередников на жилье, но вряд ли дождутся: их номер 1230, а строительства у нас нет. Помогите им приобрести квартиру! Гарантирую целевое использование средств».

Лена Высоцких, 14 лет, врожденная аномалия позвоночника, сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция. 173 060 руб.

Внимание! Русь-банк внес 75 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 98 060 руб.

Пять лет назад умерла сестра, и я стала опекуном ее детей Лены и Андрея. Отца у них не было, я не могла допустить, чтобы племянники попали в детдом. Леночка с рождения инвалид. У нее чудовищное искривление позвоночника, все тело перекошено, нарушена работа всех органов. Я сразу устроила Лену в интернат, где дети со сколиозом лечатся и учатся, но остановить болезнь там не смогли. Подругу Лены успешно оперировали в Новосибирске, и теперь Лена мечтает о такой операции. И вот профессор Михайловский согласился нам помочь, но оказалось, что имплантат мне не по карману. Ребят я востылаю одна, работаю продавцом с зарплатой 3,5 тыс. руб. Андрюша — пятиклассник, получает пенсию по потере кормильца. Лена по инвалидности. Леночка добрая, много читает и просто здорово рисует. Что же с ней будет, если вот сейчас не помочь? Так хочу, чтобы она была счастлива. Помогите! Елена Высоцких, Челябинская область. Завотделением Новосибирского НИИТО Михайловский: «У Лены аномалия позвоночного столба и грудной клетки, бабочковидные и клиновидные позвонки, синостоз ребер. Сколиоз прогрессирует, деформация уже 76 градусов. Консервативное лечение тут не поможет. Только операция!»

Руслан Крючков, 8 лет, деформирующие рубцы губ и подбородок, необходима операция. 86 тыс. руб.

Несчастье произошло, когда Руслану было три года. Мы купили проигрыватель, малыш обрадовался, бегал вокруг и, зашнувшись о провода, упал лицом на электрический удлинитель. Он, конечно, ударился, заплакал. Тут слона попала в розетку — и наш сынок получил электроожог 4-й степени. Слава богу, жив остался. В Казахстане нас лечить сразу отказались и направили в Екатеринбург. Мы перенесли три операции. Малышу пересадили кусок ткани с предплечья на лицо, сняли шрамы и наросты кожи, словом, сделали все, что смогли. Но еще изуродованы губы и подбородок. В Москве готовы помочь, вызывают нас на декабрь, это лечение тоже платное, нам его уже не осилить. Поверьте, все свободные средства давно кончились, мы в долгах. Муж машинист на заводе, еще выплачивает кредит, мы его брали на лечение. Я вынуждена оставить работу, занимаюсь сыном. Очень надеюсь на вашу помощь. Галина Крючкова, Казахстан. Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский: «У Руслана на нижней губе сформировался худший вид рубца — утолщенный, ярко-красный, плохо поддающийся лечению келоидный рубец. Нужен комплекс противорубцовой терапии, затем двухэтапная операция и реабилитация. Мы вернем малышу прежней вид».

Олег Миндияров, 5 лет, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 156 тыс. руб.

Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 47 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 109 тыс. руб.

Я одна воспитываю внука Олега. Вся жизнь преподавала в университете. Овдовела в 43 года, воспитала дочь. А пять лет назад при родах дочка перерезировала нервы и не смогла снова сердце запустить. Такая трагедия! У ребенка врожденный гидронефроз почки, было две операции и теперь все в порядке. К двум годам диагностировали ДЦП, но я все не верила, казалось, он вот-вот пойдет самостоятельно. Курсы реабилитации, физиопроцедуры, массаж и гимнастика дали небольшой эффект: Олег встает, ползает. У мальчика выраженный гипертонус, нет мелких движений. При этом он умный, очень добрый и терпеливый. Говорит: «Как хочется быть здоровым!» Я ухаживаю за 85-летней мамой и не могу лечить малыша за пределами города. Но к нам приезжают врачи Института медтехнологий (ИМТ) и успешно лечат таких детей биоактивными препаратами. Так хочется вылечить Олега! ИМТ — наша последняя надежда. Татьяна Комаренкова, Пермская область.

Врач ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Хороший мальчик, интеллектуально сохранный. Наш опыт позволяет надеяться на развитие у Олега двигательных функций».

Ира Якименко, 1 год, врожденный порок сердца, требуется эндовазальная операция. 186 600 руб.

Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес \$2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 120 тыс. руб.

Я вышла замуж рано, это была первая любовь. Теперь у нас 9-летний сын Дима и годовалая дочка Ирошка. У меня были проблемы со здоровьем, даже рекомендовали прервать беременность, но я не согласилась. Родила здоровенькую девочку, так считали врачи. Но в четыре месяца после бронхита в ее сердце услышали шум. В кардиоцентре у Иры нашли порок сердца! Каждые три месяца дочку обследуют, назначают поддерживающие лекарства, но малышка все чаще болеет. И вот на консультации сказали: «Все, пора оперировать!» Иру можно вылечить, не вскрывая грудь, но это очень дорого. А мы самая обычная рабочая семья, живем в общежитии. Сюда приехали из Казахстана. Муж электрик, я оператор на почте. Я в отпуске по уходу за ребенком, но когда муж или Дима могут присмотреть за Ирой, работаю по скользящему графику, жить на что-то надо. Пожалуйста, помогите нашей дочурке! Все, что нам надо, — это видеть ее здоровой и веселой. Эльвира Якименко, Тамбовская область. Ведущий специалист НИИ кардиологии Томского НЦ РАМН Сергей Иванов: «У Иры единственный дефект в центральной части межпредсердной перегородки, его лучше закрыть щадяще, через сосуды. Через неделю Ира вернется здоровой домой».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Прислать письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затае понравившись: всего собрано свыше \$12,8 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лунник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; e-mail: frp@kommersant.ru.

Телефоны: (495) 943-91-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Вика встала на путь выпрямления

11-летняя Вика Нарезняя — очень стройная девочка. Разве что одна лопатка чуть больше другой. Да и то если очень сильно приглядеться. Год назад все было гораздо хуже: сколиоз четвертой степени, самая тяжелая форма. Тело Вики было выгнуто вбок так сильно, что она дышала с трудом. Ее спасли новосибирские хирурги, они сделали операцию, — и наши читатели, эту операцию оплатившие (см. „Ъ“ от 28 октября 2005 года).

Село Ольшанка — это на юге Саратовской области. Тишина на улице нет, вокруг степь, тучи на. Из признаков жизни разве что проходящий раз в два дня поезд Москва—Камышин. На окраине Ольшанки — старый дом. Внутри маленькая кухня и единственная комната. Здесь вместе с мамой, папой и младшей сестрой живет 11-летняя

Когда Вика Нарезняя встала после операции, то впервые в жизни смогла выпрямиться

ФОТО АНДРЕЙ КОЗЕНКО

Вика Нарезняя. Еще год назад местные врачи обещали ей тяжелую и недолгую жизнь. Это заявление врачей опроверг новосибирский хирург Михаил Михайлович и наши читатели. У Вики все хорошо.

Когда Вике было несколько месяцев, ее мать заметила, что дочка в кроватке как-то странно изгибается, и повезла дочку в Саратов из-за этого. Ортопеды назначили массаж, гимнастику, водные процедуры. Консервативные методы не помогли. Диагноз — «сколиоз». Сначала второй степени, меньше чем через год — уже четвертой. Хуже не придумаешь.

У Вики начался и прогрессирует тахикардия, одно легкое работало поспились, лучше не получалось. Нужна была операция с применением металлоконструкций, чтобы выпрямить и укрепить Викин позвоночник.

Но необходимые 173 тыс. рублей — деньги для Ольшанки непредставимы. Чиновники областного минздрава нашли 63 тыс. Их хватало на госпитализацию, а вот покупка металлического имплантата, сказали, каз-

ной не предусмотрена. И это чистая правда: не предусмотрена.

Тогда Викин дядя Алексей написал письмо в Российский фонд помощи: «Сестра швейи на фабрике 2,5 тыс. руб. получает, ее муж огорода людям копает, но доход этот мизерный. Помогите, без операции ребенок погибнет».

В конце октября прошлого года письмо опубликовали в „Ъ“. А в декабре Вика уже была в Новосибирском НИИТО. Имплантат оплатили ей вы.

Вика вспоминает: «После операции было очень больно». Она плакала, ей колоти снотворное. Когда она забывалась, то бормотала во сне: «Я вам всем отомщу! Вот вырасту, стану стоматологом, и вы все придете ко мне зубы лечить!» Когда боль прошла, Вика заметила, что может ровно дышать и сердце не беспокоит. А когда она встала, то впервые в жизни смогла выпрямиться. И тут она

ужа, что стала выше! «Я думала, что по привычке буду вбок клониться, а у меня словно магнит в спине. И он меня держит», — рассказывает Вика. От планов страшной мести новосибирским врачам она отказалась.

Перед новым 2006 годом Вика вернулась домой. Ее встречал школьный класс в полном составе, и учителя тоже. Не говоря уж про двух лучших подружек, с которыми Вика все свободное время «тренинг за жизнь». Но в школе девочка пока не ходит. Первые несколько месяцев ей нельзя было сидеть, да и сейчас можно не больше чем 20 минут в час. Но это местный врач страшится на всякий случай. На самом деле пациентам профессора Михайловского уже через полгода после операции разрешают сидеть, сколько им захочется. Но вот рюкзак с учебниками носить для Вики пока уж

точно тяжело. И она сейчас учится дома, зато на «отлично».

Во всем, что касается здоровья, Вика страшно дисциплинированная. Предписанные врачом ограничения соблюдает безукоризненно. Один раз пришла на школьный осмотр. Доктор ей говорит: «Садитесь», а она ему: «Нет». И только когда врач дал ей личную гарантию, что ничего плохого не будет, Вика присела на стул. Со словами: «Вы со мной, пожалуйста, осторожнее».

Вика стоит, демонстративно тянется в струнку и страшно стесняется, пока я ее фотографировал. «К обследованию готова?» — спрашиваю (в начале декабря, спустя год после операции, мама повезла девочку на осмотр в Новосибирск). «Готова. Со мной все хорошо», — отвечает она и вдруг твердо так добавляет: — У меня теперь всегда все будет хорошо».

Андрей Козенко